

заметно ослабевает. Поэтому в послевоенные годы его деятельность в этом отношении ограничилась всего несколькими статьями.

Очень часто основоположниками литературного языка у нас считают только писателей. В отношении марийского литературного языка мы с полным правом можем назвать ими и языковедов, в частности В. М. Васильева, потому что основная тяжесть пополнения словарного богатства и выработки лексико-грамматических норм у нас на первоначальном этапе лежала именно на языковедах, которые к тому же, как и В. М. Васильев, нередко и сами были писателями.

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.3.09>

З. М. Дубровина, *Инфинитивы в финском языке*, Ленинград 1972. 208 стр.

Доцент Ленинградского государственного университета З. М. Дубровина, способный финно-угровед, уже в течение продолжительного времени занималась проблемами синтаксиса финского литературного языка. В последнее время она сосредоточила свой интерес на синтаксических вопросах инфинитивов, у которых в финском языке много форм и очень много функций. Несмотря на то что об инфинитивах финского языка написаны разные статьи, а также некоторые монографии, об их функциях до сих пор монографического исследования не было. З. М. Дубровиной собран очень богатый материал из грамматик, словарей и литературных произведений, начиная примерно с 1870 года, когда окончательно установились основные нормы современного финского литературного языка. На базе собранного материала она составила монографию «Инфинитивы в финском языке», где дано подробное описание всей сложной системы инфинитивных конструкций. Все разделы монографии свидетельствуют о большой лингвистической эрудиции ее автора. Обильный материал проанализирован так хорошо, что у рецензента нет оснований упрекнуть автора в бессистемности. Рецензент уверен, что труд З. М. Дубровиной «Инфинитивы в финском языке» станет настольной книгой для всех языковедов, которые занимаются финно-угроведением и проблемами синтаксиса именных форм глагола, а также для студентов, изучающих в вузах финский язык.

З. М. Дубровина строго придерживается системы, но в то же время у нее есть склонность поддерживать положения, которые укоренились в финском языкознании, хотя и не совсем бесспорны. Приведу один пример.

Финский языковед Э. Н. Сетяля (не Сетэля, как у автора) более 90 лет тому назад написал синтаксис финского языка. Его преемники, а также многие преемники преемников придерживаются взглядов Сетяля, не осмеливаясь его критиковать. По Сетялю, в финском языке четыре инфинитива, а может быть даже пять. Только в последнее время некоторые исследователи финской грамматики высказали иные мнения. З. М. Дубровина добросовестно описывает все взгляды о количестве финских инфинитивов и остается в основном на позициях Сетяля. К сожалению, она учла только те положения, которые разными авторами высказаны о финских инфинитивах. Об инфинитивах близкородственных языков, например эстонского, тоже написано довольно много и подробно. Как хорошо известно автору рецензируемой монографии, в грамматиках этих языков соответствия финским IV и V инфинитивам не считаются инфинитивами. На самом деле они — отглагольные существительные. Что IV и V инфинитивы в финском языке не настоящие инфинитивы, заметила и автор монографии, поэтому они в монографии и называются «так называемыми инфинитивами» (стр. 202). В работе констатируется, что IV инфинитивом называют формы номинатива и партитива единственного числа отглагольных существительных на *-minen* в случаях, когда они в сочетании с глаголом *olla* употребляются для выражения действия, которое следует или не следует совершать (стр. 202). В эстонском языке в конструкциях *nüüd on tal minemine* 'теперь ему надо идти, придется уйти', *on palju tegemist* 'много работы, придется много делать' и т. д. исследователи синтаксиса не находят

форм инфинитива. Исследователи ливского языка (кроме Л. Кеттунена) считают конструкцию *minnõn um āndamist* 'я должен дать' дебитивом, чем она в сущности и является. Рецензент, который очень высоко оценивает труд З. М. Дубровиной, ожидал бы, чтобы автор труда исключила из списка финских инфинитивов IV и V инфинитивы. В грамматиках эстонского языка, очень близкого финскому, говорится ведь только о двух инфинитивах — *t*-овом и *m*-овом — и их падежных формах. И никак нельзя сказать, что изучение эстонской грамматики страдает от этого меньшего количества инфинитивов.

Первая глава монографии посвящена I (или *t*-овому) инфинитиву. Приведены все группы так называемых кратких и долгих форм его. Рецензенту кажется, что с анализом и положениями автора можно вполне согласиться. Приведено много примеров о финальных и финально-ограничительных конструкциях краткой формы этого инфинитива, а также о роли его в качестве определения и подлежащего, в составе сказуемого безличных предложений и прямого дополнения и т. д. Приведены и синтаксические формы долгой формы этого инфинитива. Относительно этой главы у рецензента все же есть некоторые принципиальные замечания. Автор монографии придерживается мнения, что принятая за словарную форму глагола краткая форма I инфинитива является самой древней из инфинитивных форм финского языка. Рецензенту кажется, что, наоборот, *m*-овый инфинитив более древнего происхождения. Этот инфинитив образовался еще в то время, когда предки прибалтийских и волжских финно-угров находились в тесной связи. Ведь он выступает также в мордовских языках и некоторых диалектах марийского языка. Саамский язык, правда, имеет только *t*-овый инфинитив. Этот факт говорит только о том, что в период, когда протолапари присвоили себе прибалтийско-финский язык в II тысячелетии до н. э., в языке прибалтийских финно-угров существовал уже и *t*-овый инфинитив наряду с *m*-овым. Оба инфинитива были, безусловно, общими до распада прибалтийско-финского праязыка, в начале I тысячелетия

до н. э., так как они свойственны всем прибалтийско-финским языкам.

Говоря о краткой (лативной) форме I или *t*-ового инфинитива, З. М. Дубровина предполагает, что субъектно-объектные функции, свойственные ему в современном финском языке, могли возникнуть значительно позже, лишь после того, как лативный *k* на конце был утрачен, а оставшаяся часть стала восприниматься как некая неделимая номинативная форма (стр. 16 и 141). Рецензент не может согласиться с этим. *t*-овый инфинитив есть и в тех прибалтийско-финских диалектах, где лативный *k* сохранился до нашего времени, напр. в восточноводском диалекте. В водском языке этот инфинитив имеет все-таки те же субъектно-объектные функции, которые свойственны финскому языку. Нужно учесть, что в финно-угорских языках местные падежи (латив, аблатив, элатив и т. д.) могут быть и падежами объекта.

Хорошо проработана глава о так называемой долгой форме I инфинитива. Приведены все синтаксические конструкции, где она выступает. Долгая форма образуется путем присоединения к краткой форме I инфинитива показателя *-kse-* и притяжательного суффикса: *tulla-kse-ni* 'чтобы мне прийти'. Автор монографии констатирует, что большинство исследователей считает элемент *-kse-* окончанием транслатива. Приведена и иная точка зрения, а именно — что элемент *-kse-* сложился из лативного показателя *-k-* и элемента *-se-*, восходящего к притяжательному суффиксу 3-го лица *-sen*. З. М. Дубровина придерживается того мнения, что в показателе долгой формы I инфинитива *-kse-* имеется показатель латива *-k-*. Рецензент все-таки считает, что З. М. Дубровина, может быть, напрасно поддерживает эту лативную теорию. Инфинитив мордовских языков тоже может принимать окончание падежа транслатива: *позантъ симемкс* (= *симемс*) *анокстия* 'квас я приготовил для питья, чтобы пить'. С точки зрения прибалтийско-финских языков употребление окончания транслатива в связи с *m*-овым инфинитивом столь естественно, что в современном эстонском литературном языке форма *-maks* широко распространяется: *tulin Leningradi oponeerimaks väitekirja*

я приехал в Ленинград, чтобы оппонировать диссертацию'. Автор работы констатирует, что так называемый II инфинитив образовался из того же *t*-ового элемента, который выступает в I инфинитиве, и падежных окончаний инессива и инструктива. Если эти два падежных окончания могли присоединиться к *t*-овому инфинитиву, то вполне возможно, что к нему присоединилось и падежное окончание транслатива.

Синтаксическое употребление долгой формы *t*-ового инфинитива сложно и своеобразно. З. М. Дубровина правильно проанализировала и сгруппировала все возможности. Этот раздел главы особенно ярко свидетельствует о способности автора монографии хорошо систематизировать самый сложный материал.

Два раздела монографии посвящены так называемому II инфинитиву. В них рассматриваются все конструкции *t*-ового инфинитива с инессивом и инструктивом. У рецензента нет возражений против систематизации автора. В связи с этими разделами возникло лишь два вопроса.

Автор монографии — убежденная сторонница той общепринятой и классической теории, по которой такие формы, как *ontuen* 'прихрамывающая', *kävellen* 'шагающая' и т. д., являются инструктивами. Не могут ли они быть генитивами, так как в прибалтийско-финских языках и генитив выражает образ или способ действия? Согласно классическим представлениям инструктивами являются и такие случаи, как *jalan* 'пешком', *kauan* 'долго', *hiukan* 'мало, немного'. Современная финно-угристика все-таки доказала, что эти наречия генитивного происхождения, так как инструктив в прибалтийско-финских языках выступает только во множественном числе (*käsin ja jaloin* 'руками и ногами'). *ontuen, kävellen, lukien* 'читая', *katsellen* 'поглядывая' и т. д. не имеют признака множественности, поэтому можно предполагать, что и они — генитивные формы.

Эстонский финно-угровед, большой специалист по вопросам синтаксиса Эллен Ууспылд имеет свои взгляды на функции инессивной формы так называемого II инфинитива. Насколько рецензент мог убедиться, автором монографии они не учтены. Исследования Э. Ууспылд могли бы дать З. М. Дубровиной как мето-

дически, так и теоретически новые возможности классификации функций инессивной формы II инфинитива. Рецензент уверен, что те новые методы изучения синтаксиса, которые применяются структуралистами, сторонниками порождающей грамматики и т. д., полезны также для всех исследователей синтаксиса прибалтийско-финских языков.

Третий раздел монографии З. М. Дубровиной посвящен *m*-овому, или III инфинитиву. Подробно проанализированы синтаксические функции иллативной, инессивной, элативной, адессивной, абессивной и «инструктивной» форм его. Так как употребление падежных форм этого инфинитива, а также их очень разнообразные функции подробно и правильно классифицированы, то рецензент должен опять подчеркнуть трудолюбие и систематичность автора. Для систематизации всех функций требуется очень хорошее знание финского языка. Как видно, З. М. Дубровина не только отлично владеет финским языком, но и правильно понимает даже самые редкие оттенки финской разговорной речи, которые присущи коренным финнам. Относительно этой главы у рецензента имеются только некоторые замечания.

На двух страницах (200—201) автор монографии говорит о синтаксических функциях инструктивной формы *m*-ового инфинитива, напр., *ihmisen pitäisi aina oleman viisas* 'человеку следовало бы всегда быть мудрым'; *pitäisi nyt Marjallekin kelpaamani* 'теперь я должен бы годиться и для Марьи'. Правда, согласно классическим взглядам и здесь инструктив единственного числа. Рецензент опять таки считает формы *oleman* и т. д. генитивными.

Монография написана в синхроническом плане. Некоторые ссылки на историю финских инфинитивов встречаются главным образом во введении к монографии. Если бы автор монографии обратила внимание и на функции инфинитивов в родственных языках, некоторые взгляды ее на развитие инфинитивов могли бы быть несколько иными. Рецензент с особым интересом читал раздел о функциях *m*-ового инфинитива. Как видно, З. М. Дубровина придерживается неверных положений о том, что функции *m*-ового инфинитива в прибалтийско-фин-

ских и мордовских языках по своему синтаксическому употреблению сильно различаются. Наоборот, в прибалтийско-финских и мордовских языках *т*-овые инфинитивы имеют очень много общих функций.

Рецензент встретил в монографии только диахронические недостатки. Его критика была, кроме того, главным образом еретична с точки зрения большинства исследователей финской грамматики. Положения, которые отличаются от высказанных автором монографии, приведены для того, чтобы немного проветрить общепринятое отношение к некоторым проблемам финской грамматики.

В итоге можно констатировать, что З. М. Дубровиной написан полезный труд по вопросам синтаксиса современного финского языка.

А. Е. Смиреникова, Развитие залоговых противопоставлений в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1972.

23 ноября 1972 года на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации А. Е. Смирениковой «Развитие залоговых противопоставлений в мордовских языках». Официальными оппонентами выступили директор Марийского научно-исследовательского института доктор филологических наук, профессор И. С. Галкин и заведующий кафедрой мордовской филологии Мордовского государственного университета кандидат филологических наук, доцент Д. В. Цыганкин.

Диссертация посвящена исследованию одной из самых сложных и запутанных проблем языкознания вообще, не говоря уже о финно-угроведении, где она в основном до сих пор только ставилась. Не случайно поэтому в работах, в той или иной степени затрагивающих рассматриваемую проблему, нет единодушия по этому вопросу. До сего времени не выработан единый критерий определения залога как грамматической категории и в индоевропейских языках. Принцип классического языкознания, господствующий в русском языкознании, нередко полностью переносится на финно-угорские языки, за исключением венгерского и финского. К тому же, до сих пор никто не

После появления печатной монографии «Инфинитивы в финском языке» З. М. Дубровина продолжила свои исследования в этой области. Она дополнила работу многими новыми примерами и дала более обширный анализ материала. Ее первый труд «Синтаксические функции инфинитивов в современном финском литературном языке» был представлен в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, успешная защита которой состоялась 23 ноября 1972 года на заседании Ученого совета филологического факультета Ленинградского государственного университета. Официальными оппонентами были доктора филологических наук П. Аристэ, К. Е. Майтинская и Н. М. Терещенко.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

дал теоретическое обоснование залоговых противопоставлений как грамматической категории в агглютинативных языках в отличие от флективных. Даже специальная конференция, посвященная этой проблеме в агглютинативных языках (1957 год, Уфа), не дала значительных результатов. Кажется, давно пришла пора покончить с существующим разнообразием в определениях залога, пора наконец решить вопрос о сущности его: является он категорией грамматической или лексико-грамматической. Существующая путаница в определении залога затрудняет преподавание языка в школах и особенно в вузах.

Поэтому монографические исследования, подобные рецензируемому, с критической оценкой предыдущих мнений на основе кропотливого изучения конкретного языкового материала весьма полезны. Они помогут нам прийти к правильному решению сложнейших языковых проблем. В этом смысле работа А. Е. Смирениковой выгодно отличается от предыдущих. Диссертация состоит из теоретического введения, трех глав и заключения. Во введении автор дает краткую историографию исследуемой проблемы не только в мордовских и финно-угорских